

Девяносто пять лет прошло со дня завершения уникального по своей протяженности и тяжести боевого похода двадцати красноармейцев и тринадцати партизан по Камчатке и Охотскому побережью. Зимой 1923 года под руководством командира роты Григория Чубарова они освободили огромную территорию на Северо-Востоке только что образовавшегося СССР от банд есаула Бочкарева и генерала Полякова, занимавшихся там грабежами, разбоем и расстрелами. Сообщая об этом событии, камчатская газета «Полярная звезда» назвала красноармейцев «чудо-богатырями... превзошедшими все доселе известные в истории походы».

Авторы статьи вели многолетний поиск сибиряков — участников этого похода, начатый камчатским учителем истории Робертом Юшиным, работали в архивах, с группой томичей прошли более тысячи километров на лыжах маршрутом красноармейцев. Встречались с участниками тех событий — П. Г. Козловым и Ф. М. Сыроежкиным, с сыном командира Валентином Чубаровым, реально помогли четырем ветеранам в решении квартирных и пенсионных проблем. Но самое главное — через судьбы этих простых и много испытавших на своем веку людей глубже и верней поняли суть их подвига, совершенного на крутом изломе отечественной истории. А сейчас настало время защитить их честь и посмертную славу от посягательств реставраторов истории.

Двадцать первого декабря 1922 года пароход «Томск», переименованный в крейсер «Главком Уборевич», доставил из Владивостока в Петропавловск двести шестьдесят восемь красноармейцев. Для отправки на Север из-за недостатка зимнего транспорта отобрали всего двадцать бойцов, наиболее грамотных, выносливых и закаленных. В основном сибиряков из Томской, Енисейской и Омской губерний. Восемнадцатого января 1923 года две разведпартии по десять человек выступили по западному и восточному побережьям полуострова на лыжах и собачьих упряжках. Молодым красноармейцам, старшему из которых Григорию Чубарову было всего двадцать четыре года, предстояло решить боевую задачу невероятной сложности — пройти за короткое время тяжелейший путь и «вступить в соприкосновение с противником», численностью превышающим их в несколько раз.

Трудно даже представить этот огромный, как материк, полуостров, растянувшийся на тысячу с лишним верст, хребты, лес в глубоком снегу, бескрайнюю тундру и две горстки людей, прокладывающих путь собакам на лыжах! Политрук 1-й разведпартии Андрей Чернов в донесении штабу войск края двадцать четвертого февраля сообщал: «...для собак нет корма,дохнут с голода. И люди сидят голодом. Отряд в Лесной. Ни взад, ни вперед...» А начальник 2-й разведпартии Василий Зенков записывал в

донесении: «Пурга, которая началась с вечера, стала свирепа. Ехать никоим образом нельзя...» Но красноармейцы все-таки шли вперед сквозь морозы и пургу, брали не числом, а суворовским умением, и всегда были готовы пожертвовать собой ради новой жизни. На восточном побережье в разведпартию вступили два добровольца, на западном — одиннадцать дружинников из Тигильской волости. Местное население хранило тайну передвижения этих крохотных отрядов, зато постоянно сообщало о расположении и численности противника. Вот почему так успешно удалось провести несколько боевых операций. Объединившись на севере Камчатки, разведпартии и партизаны закончили свой более чем двухтысячеверстный поход полным разгромом банд тринадцатого апреля 1923 года у села Наяхан, ныне Магаданской области. Последний бой продолжался весь день. Погибли пятеро бойцов, в том числе начальник 2-й разведпартии Василий Зенков и его политрук Михаил Гаврилов. Их в упор расстреляли бочкаревцы, выйдя сдаваться в плен. Прибывшая через несколько дней в Наяхан пулеметная группа Петра Григорьева из пяти человек очистила от бочкаревцев Охотское побережье до поселка Ола (близ нынешнего Магадана). Все участники боевого похода были представлены к наградам, семеро из них — к ордену Красного Знамени.

Кто же противостоял красноармейцам? «Белое движение, — свидетельствует его видный идеолог Василий Шульгин, — начали почти святые, а закончили почти преступники». Временное Приамурское правительство направило карательную «Северную экспедицию» в Охотско-Камчатский край в сентябре 1921 года с целью захватить Северо-Восток РСФСР, создав с помощью японцев надежный плацдарм для отступления и «возможного отторжения Камчатки от Советской России», что было, конечно, явной авантюрой: до образования СССР оставалось около года. Организатором экспедиции был есаул Бочкарев, один из сподвижников кровавого атамана Калмыкова. Мрачную известность принесла ему зверская расправа над видными большевиками Сибири и Дальнего Востока, членами Военного совета Приморского правительства С. Лазо, А. Луцким и В. Сибирцевым. Переданные японцами бочкаревцам, они погибли в паровозной топке. Возглавлял экспедицию «особоуполномоченный» правительства, рыбопромышленник-капиталист Х. Бирич.

С отрядом в двести человек полковник Бочкарев, получивший этот чин за взятие Охотска, на пароходе «Кишинев» отправляется на север в Гижигу наводить «новый порядок». В его свите находились генерал и пять полковников. Генерал-майор Н. Поляков с отрядом в сто пятьдесят человек прибывает на пароходе «Свирь» в Петропавловск, захватывая город без боя, правда в присутствии трех японских миноносцев на рейде Авачинской бухты. Во время этого перехода, по свидетельству команды судна, было устроено «толковое зрелище» — казнь девяти состоятельных людей, в том числе двух женщин, захваченных на Охотском побережье. Несчастных раздевали, били, душили, у женщин вырывали груди. Еще живых сбрасывали в море. У тех, кто цеплялся за борт, надеясь спастись, отрубали шашками пальцы. На нагане особо «отличившегося» в этой жуткой оргии Болотова было сто семьдесят семь зарубок, столько человеческих душ загубил и замучил садист. «Толковое зрелище», как написано в архивном документе, было устроено по распоряжению генерала Полякова и не могло состояться без разрешения капитана судна Салатко-Петрищева. Как рассказали матросы, бежавшие со «Свири», людей казнили из-за «драгоценных вещей». По воспоминаниям бывшего красноармейца П. Г. Козлова, в Наяхане после разгрома банды кроме основных трофеев нашли много изделий из золота и «небольшой мешочек с бриллиантами». Умел прятать концы в воду Н. Поляков. «Свирь» и в Петропавловске продолжала оставаться «плавучей тюрьмой».

Прибыв в Гижигу, отряд Бочкарева устанавливал «законную власть», утверждал должности старшин и старост, а население обложил ясаком за пять лет, начиная с 1917 года, транспортной повинностью, штрафами и налогами. Открытый грабеж, порка

шомполами и угрозы расстрелом, закулисная сделка с американской фирмой «Свенсон и К°» привели к тому, что сохранившие свою честь офицеры арестовали Бочкарева. Они намеревались отправить его во Владивосток, но преданные вожаку люди освободили своего атамана. Погибли и были расстреляны более двадцати офицеров и низших чинов. Сам Бочкарев ранен в руку. Порядочные офицеры, стоявшие до конца за свои идеи, были обмануты и уничтожены. Бочкарев возглавлял теперь не экспедицию, а банду.

Аналогичная обстановка складывалась и в Петропавловске. Гарнизон города пополнялся живой силой не менее трех раз. В Авачинской бухте продолжали стоять японские военные суда. Из-за своей малочисленности партизаны редко вступали в прямое столкновение с белыми, но решили главную стратегическую задачу — не дали им проникнуть вглубь полуострова. Не прорвались белые и с Гижиги на юг, не получив поддержку в Тигиле и других селах. В результате заворовавшийся «городской» губернатор Х. Бирич, набивший множество чемоданов пушниной и другими ценностями, был отозван во Владивосток своим правительством. Обязанности «правителя Камчатки» около двух месяцев исполнял капитан первого ранга Ильин, затем всего неделю — генерал Иванов-Мумжиев, убавшийся второго ноября 1922 года из Петропавловска со своим войском вслед за японскими судами, их боевой опорой.

Решающую роль в освобождении края сыграла поддержка населения, создавшего дружины и ополчение против банд, умелые тактические действия отряда Г. Чубарова. Большинство местных жителей сразу и верно разобрались в политической ситуации. Они поняли, что белые пришли с одной целью — грабить. Вскоре после высадки Бочкарева на Севере кочующее население уничтожило семнадцать человек, а в селе Тигиль группу полковника Алексеева расстреляли дружинники, бывшие казаки с опытом борьбы с японцами.

Вторая разведпартия четыре дня простояла, ожидая грабителей, на перекрестке дорог из села Каменного на Апукскую ярмарку и в бухту Барон Корф. Не дождавшись, тронулись в путь. Вдруг заметили коряка, мчавшегося на оленьей упряжке. Он сигнализировал малахаем и кричал: «Варнаки приехали!» Вид его был ужасен. Глаз, выбитый рогом оленя, перевязан окровавленной тряпкой. Догнав отряд, парень предупредил о появлении бандитов. Ему оказали первую помощь. Но бочкаревцы уже успели уехать в сторону бухты Барон Корф с доверенным канадской фирмы «Гудзон-Бей» Артемьевым, собираясь с его помощью захватить на складах пушнину и продукты, а затем расстрелять. Коряки пересадили красноармейцев на олени упряжки. К рассвету банда была уничтожена, Артемьев освобожден.

Это реальные факты истории, сохранившиеся в архивах. Они изложены теми, кто их вершил. Однако нашелся человек, решивший исправить и обновить эти страницы по своему усмотрению и вкусу. Это — камчатский историк-реставратор, как он себя позиционирует, прозаик и поэт Валентин Пустовит. В начале перестройки в своих произведениях он сожалел, что ему «здорово не повезло» с днем рождения — седьмого ноября, что вызывало «легкую досаду, которая выливалась затем едва ли не в анти-советчину...». Спустя годы он пишет: «Мне советская власть ненавистна». Конечно, взгляды на власть, особенно в наши дни, — личное дело. Но историк-реставратор начал действовать и пошел дальше. Он переписывает историю края на свой вкус и лад. В статьях, опубликованных в газете «Камчатский край» за 2009 год, он с нескрываемым уважением величает главарей банды по имени и отчеству, Бочкарева — «Валериан Иванович», генерала Полякова — «Никита Андреевич». Все у него поставлено с ног на голову. Чем дальше читаешь его сочинение, тем больше создается впечатление, что с карательной «Северной экспедицией» прибыли в 1921 году одни миротворцы, «администраторы» и «коммерсанты», а дружинники, уничтожившие отряд бочкаревцев в селе Тигиль, — «преступники». «Таковым был полковник Данин», — искренне восхищается он хозяйственными делами одного из «коммерсантов». А тот на самом деле грабил население и фирмы на северном побережье Берингова моря.

В очерке «Противостояние», вошедшем в сборник «Вопросы истории Камчатки» (выпуск 5, 2011 г., холдинговая компания «Новая книга»), стирая «белые пятна» истории, Пустовит переписывает факты из чужих публикаций, не утруждая себя кропотливой работой в архивах, а то и просто сочиняет, пренебрегая известными ему воспоминаниями подлинных свидетелей тех событий. Так, с легкостью необыкновенной Пустовит называет убийцей генерала Федорова-Крамника (по найденным у него документам, действительного статского советника, лейб-медика императорского двора) И. П. Гаврилина, жителя села Ивашки. А что произошло в действительности, рассказали очевидцы тех событий и документы Государственного Военного архива. Бочкарев направил генерала на разведку, сбор пушнины и выявление политически неблагонадежных. Генерал потребовал доставить к нему Гаврилина, участника Первой мировой войны, не скрывавшего своих убеждений. Во время разговора подвыпивший генерал решил покончить с собеседником. Скомандовав «кругом», выстрелил из револьвера, но промахнулся. Гаврилин сбил генерала с ног. На шум из соседней комнаты выскочили жители, и «бывший бандит... перешедший на сторону народа», прикончил генерала. И такого человека из банды «Валериана Ивановича», опустившегося до сбора мягкой рухляди, защищает Пустовит. Назвав партизан, блокировавших Петропавловск, террористами, дружинников из Тигля — преступниками, а Гаврилина — убийцей, он по-своему расправляется с теми, кто противостоял бандам, глумится над памятью защитников своего края.

Историк-реставратор старается маскировать бочкаревцев под коммерсантов. Но Бочкарева манила одна цель — награть как можно больше и бежать в Америку. Под стать главарю банды и вся свита, особенно отъявленный «коммерсант» — полковник Шевчунас. В записной книжке убитого полковника красноармейцы обнаружили «расстрельный список» — около четырехсот казенных по его приказу или лично им людей в Сибири и на Дальнем Востоке. В перехваченном красноармейцами письме Бочкареву он просит прислать подкрепление, с которым «можно много сделать... Когда возьмем Марково и захватим Караева, Кибизова и Кузьмина (представителей торговых фирм на Чукотке. — Авт.), можно будет что-нибудь иметь, т. е. сначала я предложу, чтобы каждый из них внес определенную сумму... т. е. выкуп от расстрела, когда же получу выкуп, все равно расстреляю. Словом, от взятия Маркова какая-нибудь польза будет...». Такой вот «коммерцией» и занимались полтора года бочкаревцы, восстановив против себя абсолютное большинство населения края.

После разгрома банды были найдены счета фирмы «Свенсон и К°» Бочкареву. Они составили бы по сегодняшнему курсу свыше сорока пяти миллионов долларов. Кроме того, несбытая пушнина, оружие и другие ценности.

Реставратор истории добивается, кажется, невозможного — реабилитации (!) нескольких бочкаревцев, в том числе особоуполномоченного временного Приамурского правительства на правах губернатора Бирича и капитана «Свири» Салатко-Петрищева, не запретившего расправу на судне. Как состоялось «толковое зрелище», показал во время суда над Биричем в 1923 году штурман Тошеев. Историк Пустовит не мог не знать о чудовищной казни на «Свири», тем не менее умолчал в своих работах об этом кровавом преступлении. Видно, не вписываются эти факты в его концептуальный взгляд на историю. Зато он так упорно шел несколько лет к реабилитации бандитов, что прокуратура Тихоокеанского флота даже опровергла их преступные действия! Такой вот виртуоз из архива! Однако вышеперечисленные факты из архивных документов, научные работы историков Дальнего Востока говорят об обратном: «Северная экспедиция» была карательной и направлена на свержение Советской власти и захват части территории РСФСР, что прямо противоречит реабилитационному решению прокуратуры. Все участники, кроме музыкантов, захваченных насильно, вошли в экспедицию, как и ее руководитель, «особоуполномоченный» Бирич, добровольно.

А как меняется тон и даже стиль повествования историка, когда он переходит от любезных его сердцу «коммерсантов» в погонах к «красным ликвидаторам». Так, он

утверждает, что бывший красноармеец П. Г. Козлов гордился тем, что «собственноручно размозил голову Бочкареву» и что умер он в 1972 году. Ложны оба утверждения. Томичи встречались с Парамоном Григорьевичем в апреле 1973-го в Наяхане, а скончался он в 1974 году. Ветеран никогда так не говорил и не писал, а Бочкарев был убит во время боя при попытке к бегству. И даже социально-экономические описания сел красноармейцами по пути следования за подписью Г. Чубарова далеко не совпадают с теми, что дает Пустовит, уроженец города Львова, много лет проживший на Камчатке, где окончил пединститут. Но даже с общеизвестными понятиями он обращается, как и с историей, искажая их: называет морского зверя белуху белугой, рыбу хариус — хайрюзом, как местное село Хайрюзово, а местечко Кушка — Пушкой.

Описывая «злключения главного ликвидатора «бочкаревщины», автор утверждает, что «майор Чубаров пропал без вести в апреле 1944 года, а на самом деле угодил в плен». Используя лишь поисковые материалы покойного историка Р. Юшина, Пустовит даже не попытался выяснить, что же с ним произошло в действительности, и не интересовался его судьбой. Между тем, как сообщили из Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Г. Чубаров, командуя полком под Киевом в районе Любны в сентябре 1941 года, попал, но не «угодил», в плен, как злорадно пишет Пустовит. Да и на какой исход боя можно было рассчитывать, если от полка оставалось всего девять человек? Исполняя обязанности старшего в бараке среди военнопленных, предотвращал расстрелы за нарушение порядка. Рискуя жизнью, во Владимиро-Вольском лагере спас от верной смерти четверых советских военнопленных евреев. После освобождения жил в Ухте на положении спецпереселенца. Двадцать четвертого мая 1946 года осужден к пятнадцати годам каторжных работ. Отбывал срок в Воркуте, где в 1950 году внезапно скончался. Посмертно реабилитирован в 1963 году «за отсутствием состава преступления».

Жене в Одессу из Воркуты Чубаров писал: «...Я допустил ошибку в жизни, ошибку не ради спасения своей шкуры, а думал помочь другим, таким же несчастным людям». «Вот уже два года как его нет в живых, — сообщал вдове С. Черников из лагеря, — это была большая скорбь для нашего коллектива. Ведь он был общителен, развит, жизнерадостен и трудолюбив». В тяжелейших условиях он сохранил свое человеческое достоинство, несломленный дух и не склонился ни перед какими грозными обстоятельствами.

Но не обошла Чубарова и его красноармейцев посмертная слава. Именем Григория Ивановича названы улицы в Магадане, Петропавловске, в районных центрах и поселках, где проходил освободительный поход. В честь сибиряков улица в нашем городе Томске названа именем Героев Чубаровцев.

Как же надо ненавидеть советское прошлое, чтобы, перелицовывая историю края, называть бандитов коммерсантами, а тех, кто противостоял им, — убийцами, преступниками и ликвидаторами! А ведь у Пустовита, как и у многих из нас, детство и учеба прошли в родной школе, институте, а родители строили, защищали это наше уже ушедшее советское прошлое. Перечеркивая все это, он бравирует тем, что его книги включены в хрестоматию «Литература родного края» для школ Камчатки. Что почерпнут из них дети?

Но ни время, ни «реставраторы истории» не изменят общественное мнение о тех, кто грабил, унижал, насиловал и убивал мирное население. Бандит всегда останется таковым, хоть ты осыпь его хвалами. И хотя с некоторых пор в России стало «модно плевать на славное прошлое Родины», великие предки — с нами. И среди них А. С. Пушкин, сказавший, что только «дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед настоящим...».

